

Софья БАРАНОВСКАЯ
г. Жуковский, Московская обл.

Рассказ

ДРАКОН ВЫХОДИТ НА БЕРЕГ

Говорят, море любит сильного, а бессильного губит.

В порт Бендер-Аббас прибыли на рассвете. При швартовке Василич, как обычно, был на баке. В сереющей мгле берег приближался неохотно. Вдруг чужеродная эта серость налегла всей своей страшной тушей, и Василич понял, что не видит ничего. Берег надвигался. А он молчал и не отдавал команды. Судно тяжело навалилось на причал, Василича бросило вперёд. Со всех сторон понеслась ругань.

— Штурман, урод! — процедил третий помощник, когда отдали, наконец, якорь.

— Лебёдка не пошла. Значит, боцмана осечка, — сказал Василич.

— Да брось! Ты ж не просто боцман. Ты дракон! Не бывает у таких осечек. Наверняка на юте что.

Третий помощник — занятный малый. Оперу любил. Однажды рассказал о певце, который был совсем слеп, но так прекрасно пел, что стал всемирно знаменит.

Василич дрожащими пальцами потёр усталые веки. Форс-мажор. За столько лет при нём никогда не случалось форс-мажоров. Не стали ли слабы его глаза? Или правда на юте что? А, пустое это всё... На юте... наверняка на юте.

* * *

Профосмотр сразу после возвращения из того, последнего, плавания он не прошёл. В очереди к окулисту стояло слишком много народа. Разволновался, не разглядел последних мелких строчек, вот и поставили «не годен». Так он сказал жене. Она, конечно, допыталась, что ещё было в том кабинете, у того аппарата, просвечивающего до самой сетчатки, — что причина там, на отпечатке мира, который видят в глубине собственных глаз. Беспокойная она баба, в специализированную клинику потащила. Работал там один светило. Сказал, изменения обратимы, только надо операцию. Да что толку-то... Всё равно заявление об уходе

уже на столе в судовой компании. Обратимы-то обратимы, да морского волка с «историей» уже не возьмут.

Списавшись, Василич получил из конторы справку о выслуге лет и, чтобы чем-то заняться, взялся за коммунальные платёжки. Жена допекала с операцией, но сама же давно говорила про перерасчёт пенсионерам, и это отвлекло её. Всё же деньги возвращали немаленькие — пятьдесят процентов, и Василич отправился оформляться.

И снова очередь. Везде ждёшь подвоха. Кажется, он опять разволновался.

— Мы же вам объясняем, нужна справка другого образца. Вот такая, — сказала женщина из соцзащиты.

— Разбираюсь я в них, что ли? Какую дали, такую и принёс!

— По этой справке мы перерасчёт никак вам не оформим, — вступила вторая, начальница. — У нас её просто не примут.

— Мне-то какое дело?

— От вас уже все подали. И все сразу принесли правильные. Вам надо просто попросить справку на перерасчёт услуг ЖКХ за период нахождения в плавании. Там у вас знают, какую надо выдать.

— Что вы меня учите? Лучше свою работу научитесь хорошо делать. Я-то своё дело, в отличие от вас, знаю. Пятьдесят лет на судне. А вы сидите тут без году неделя!

— Да мы вас не учим...

Но он уже хлопнул дверью.

Дома Василича встретила жена.

— Ну что, отдал?

— Нет. Сидят горгульи толстозадые, лень жопу от стула оторвать, чтоб нужный бланк выдать. Своей работы не знают! — махнул рукой Василич.

Жена дождалась, пока он закроет дверь в ванную, и в сердцах швырнула полотенце на пол.

— Да что ты сам знаешь, кроме моря?..

* * *

А ведь когда-то он не знал, что вся его жизнь будет связана с морем. Ничто не располагало к этому.

В детстве он никогда не ездил на море и впервые посмотрел на него, только когда поступил в академию, уже заряженный своей к нему любовью. Откуда она взялась, эта интуитивная и нелогичная любовь к тому, чего он никогда не видел? Наверное, из маминых рассказов. Её детство прошло далеко на востоке. И от отца.

У отца была лодка. У них в городе протекала река, такая широкая, что, когда стоишь на одном берегу, другой терялся в белёсой дымке.

С воды всё казалось иначе. От утренней рыбалки воспоминания сохранились навсегда. Речная гладь разбивалась брызгами перед лодкой, хлопки натужного мотора разбивали стеклянную тишину утра, и чёрная тень, притаившись, умирала от солнца под высоким берегом. Тогда он ощущал особую свою слитность с этим глубоким и широким миром, и высокое небо как-то по-особенному приближалось и смыкалось с водой, и хотелось кричать: «Это всё моё! Моё!»

Те утренние вылазки с отцом стали прообразом его будущего. Дальше — академия, первые выходы в море, надолго, по полгода бывало и более. Милая девушка из семьи инженера — потом жена. Краткий медовый месяц, и снова долгие рейды, потом двухмесячные отпуска — возделенное время с любимой, и всё же полное длинных взглядов из окон дома за полосой морского горизонта. Детей бог не дал, да тут уж винить некого.

И вот теперь Василич шёл из клиники.

Чем живут эти люди на суше, не отмеченные походкой вразвалочку? Неужто вся их жизнь — мелкие проблемы с квитанциями из ЖЭКа, с походами в глазную, с угодливым поддакиванием «светилу», что бестолочь-пациент всё понимает?

Между домов выступил большой сквер, и Василич завернул зачем-то туда. Кругом — народ, полно детей и их родителей.

Само собой, в море не вернёшься. Сколько ему? Шестьдесят пять? Или четыре? Вроде пока — четыре. Вся жизнь в море.

Мальчишка в толстых очках путается под самими ногами. Почему они здесь любят гулять? Рядом же дорога. В соцзащите одно хамло, справку в кабинет не донесёшь — смотри, куда прёшь. А что, он знал, что ли, что там очередь!

Беспомощно как-то это всё... Как мальчишка беспомощен. Вся жизнь в море, там такого никогда не было. Шторма были и качка, и пираты как-то подплывали. Покружили рядом и ушли.

Снова искры. А всего лишь смятый фантик на солнце. Когда искрит перед глазами до рези, до боли, отслоение, кажется, называется. Операция — и будете вести полноценную жизнь. А вот полноценную — это как?

— ...В театр на «Снегурочку» водили... — рассказывают рядом со значением, хвастливо.

Любил он этот мультфильм, тогда как раз только сделали... Пришла весна — растаяла Снегурочка. Не нашлось ей места, вся сказочная.

От сквера он спустился вниз к набережной и, подойдя к парапету, за которым неслась холодная соль брызг, всмотрелся в морскую даль. Какой док теперь искать? Море большое, а на суше не приткнуться. Беспомощен совсем стал...

* * *

Говорят, море любит сильного, а бессильного губит.

Каждый день выходил старый Василич смотреть на море. Море было седо, как и он сам, и гулко разбивалось о тяжёлые камни на берегу. Раньше старик не замечал, как оно выцветло. «Поседали мы вместе», — говорил он тихо. Скорбно звенели чайки над головой.

Глаза видели плохо и застилались слезами. Он смахивал их ладонью и, невзирая на боль и резь, на покрывающую всё гуще пелену, смотрел дальше. Вспоминал свою жизнь, но больше всего тот день последнего плавания, когда впервые не различил берега. Был потерян в тумане собственного зрения.

«Что ж, стало быть, салага. Стало быть, не дракон ты больше».

Ребята из команды звонили, поддерживали, говорили, что будут просить кэпа о его возвращении. Но он-то знал точно: пришёл конец. Жена всё говорила об операции. Но что толку в операции, если отныне море будет далеко? Если зрение сохранят, только чтобы он мог глядеть на него.

Он стоял и смотрел, слушал шум валов, наблюдал стягивающую веки мглу.

Софья Витальевна БАРАНОВСКАЯ

окончила Саратовский государственный университет, Московский государственный лингвистический университет и редакторские курсы при Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковалась на интернет-ресурсах, в сборниках. Финалист конкурса фантастических рассказов «Колфан-29» (2024), литературного фестиваля-конкурса А. Л. Чижевского (Калуга, 2025) и др. Лауреат конкурса «Северная звезда» (2025) в номинации «Проза».

